

Социально-правовая обусловленность уголовных запретов в сфере государственной регистрации гражданских прав

Григорьев Павел Александрович, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)
аспирант; e-mail: pav96gri@yandex.ru.

Аннотация

В статье исследуются социально-правовые основания уголовно-правовых запретов в области государственной регистрации прав на недвижимое имущество и корпоративных прав. На основе анализа бланкетных норм уголовного закона и норм отраслевого законодательства оценивается общественная опасность искажения сведений, включаемых в государственные реестры. Делается вывод о том, что в настоящее время защищенность общественных отношений в сфере государственной регистрации обеспечивается уголовным законом в совокупности с нормами административного и гражданского права.

Ключевые слова: государственная регистрация, криминализация, реестр, фальсификация, экономическое преступление.

Socially-Legal Conditionality of Criminal Law Prohibitions in the Field of State Registration of Civil Rights

Pavel A. Grigorev, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)
postgraduate student; e-mail: pav96gri@yandex.ru.

Abstract

The article contains the research on social and legal foundations of criminal law prohibitions related to the field of state registration of corporate rights and real estate rights. A public wrongfulness of falsification of public registry is evaluated through analyzing blanket norms of criminal law and norms of sector-specific laws. The conclusion is made that nowadays a protection of order in the field of state registration of rights is provided by criminal law in conjunction with administrative and civil law.

Keywords: criminalization, economic-related crime, falsification, registry, state registration.

В действующем уголовном законодательстве России установлен ряд уголовно-правовых запретов, направленных на защиту института государственной регистрации гражданских прав — прав на недвижимость и корпоративных прав. Так, действующий Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ¹ (далее — УК РФ) содержит нормы, направленные на запрет внесения недостоверных записей в государственные реестры — Единый государственный реестр недвижимости (далее — ЕГРН) и Единый государственный реестр юридических лиц (далее — ЕГРЮЛ). Все рассматриваемые нормы, кроме положений ст. 285.3 «Внесение в единые государственные реестры заведомо недостоверных сведений», закреплены в гл. 22 УК РФ и охраняют отношения в сфере осуществления экономической деятельности².

В диспозициях данных норм государственный реестр упоминается в тексте и выступает элементом объективной стороны преступления: через воздействие на содержимое реестра субъектом преступления осуществляется противоправная деятельность, нарушающая режим зарегистрированных прав. При этом справедливым будет утверждение, что в рассматриваемой сфере публично-правовые, императивные нормы уголовного закона охраняют общественные отношения, которые всецело основаны на автономии воли и регулируются нормами частного права³.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021). СЗ РФ, 1996. № 25. Ст. 2954.

² Это следующие преступления: ст. 170 «Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом»; ст. 170.1 «Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета»; ст. 170.2 «Внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории»; ст. 173.1 «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица»; ст. 173.2 «Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица».

³ Речь идет о гражданско-правовом регулировании оборота недвижимости и корпоративных отношений. Далее будет показана взаимосвязь бланкетных норм УК РФ с нормами отраслевого законодательства.

В сфере регистрации прав на недвижимое имущество возможно выделить несколько основных форм общественно опасного поведения. Во-первых, это регистрация заведомо незаконных сделок с недвижимым имуществом, умышленное искажение сведений ЕГРН и занижение кадастровой стоимости объектов недвижимости (ст. 170 УК РФ). Во-вторых, речь идет о манипуляциях с документами технического учета в области земельных правоотношений (ст. 170.2 УК РФ), на основе которых могут вноситься те или иные сведения в ЕГРН. Поскольку фальсификация перечисленных в ст. 170.2 документов в ряде случаев может повлиять непосредственно на содержимое ЕГРН, описанные в диспозиции ст. 170.2 УК РФ деяния рассматриваются как деяния, посягающие на целостность и неприкосновенность сведений ЕГРН. Третий случай описан в ст. 285.3 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за должностное преступление в форме внесения недостоверных сведений в государственные реестры. В диспозиции ст. 285.3 УК РФ не уточняется, какие именно государственные реестры могут искажаться, из чего можно сделать вывод, что законодатель имеет в виду любые публичные реестры, включая и ЕГРН.

В сфере регистрации корпоративных прав общественно опасное воздействие на регистрационную систему осуществляется тоже через разные действия. Во-первых, это представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц (Федеральная налоговая служба России⁴), документов, содержащих заведомо ложные данные (ч. 1 ст. 170.1. УК РФ). Во-вторых, это может быть представление в ФНС России данных о подставных лицах при образовании юридического лица (ч. 1 ст. 173.1. УК РФ). В-третьих, речь идет и о незаконном использовании документов при создании юридического лица в форме выдачи доверенности и/или предоставления документа, удостоверяющего личность (ст. 173.2. УК РФ). Наконец, четвертый вариант состоит в активной роли государственных служащих, которые могут вносить в ЕГРЮЛ недостоверные сведения (ст. 285.3. УК РФ).

Само по себе существование в уголовном законодательстве тех или иных уголовно-правовых запретов не есть результат произвольных и необоснованных законотворческих действий. Онтологически каждый уголовно-правовой запрет в определенной сфере общественных отношений (включая и такую многогранную сферу, какой является экономическая деятельность) имеет вполне конкретные основания и причины установления. Еще в ранних работах по этой теме отмечалось существование предпосылок криминализации тех явлений социальной реальности, которые приводят в движение процесс легальной криминализации общественно опасных действий⁵. А. И. Коробеев справедливо отмечает, что уголовный закон социально обусловлен, он продуцируется реальными потребностями общества⁶. Конечно, в виде исключений возможны и ситуации, когда запреты вводятся в результате усилий лоббистов, вследствие действия резонанса как криминализационного повода и в результате иных нестандартных для нормотворчества причин. Маловероятно, что такого рода причины играли решающую роль при установлении исследуемых запретов, что будет продемонстрировано далее.

Проанализировать социально-правовую обусловленность введения уголовных запретов возможно в рамках теории криминализации (декриминализации) деяний. Важно отметить, что в отечественной юриспруденции до настоящего времени не сформировался единый подход к определению криминализации, однако сложилось два содержательно различных взгляда на данное явление — криминологический и уголовно-правовой. Указанную дихотомию наглядно описывает Н. В. Баландина, которая предлагает выделять криминализацию общества (или общественных отношений) и криминализацию деяний. Под криминализацией общественных отношений понимается процесс увеличения (роста) количества совершаемых правонарушений, а также его результат⁷. И. М. Клейменов приходит к аналогичному выводу о двойственном использовании термина «криминализация», отмечая, что рассматриваемое понятие чаще всего используется в уголовно-правовом смысле — как процесс выявления общественно опасных форм поведения, признания допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксации их в законе в качестве преступных и уголовно наказуемых. Криминализация в криминологическом смысле трактуется И. М. Клейменовым как процесс проникновения преступности в ткань общественных отношений⁸. Для объяснения социально-правовой обусловленности норм УК РФ термин «криминализация» может быть применен только в его уголовно-правовой трактовке.

Одно из уголовно-правовых определений криминализации было предложено А. Д. Нечаевым. Ученый указывает, что в виде уголовно-политического метода криминализация (декриминализация) деяния — это процесс и результат установления (устранения) уголовно-правового запрета⁹. С подобным определением трудно не согласиться,

⁴ Далее — ФНС России.

⁵ Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация / В. Н. Кудрявцев, П. С. Дагель, Г. А. Злобин и др.; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М.: Наука, 1982. С. 202.

⁶ Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса : монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 23.

⁷ Баландина Н. В. Криминализация общественных отношений: теоретико-правовое исследование : монография. М.: Перо, 2011. С. 26.

⁸ Клейменов И. М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, развитие уголовной политики в условиях глобализации : монография. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 6–7.

⁹ Нечаев А. Д. Концептуальные основы криминализации и декриминализации деяний : монография / под ред. д-р юрид. наук, проф. Н. А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 42.

и невозможно не отметить его очевидное достоинство в виде лаконичности и исчерпывающего характера, поскольку А. Д. Нечаев учел неразрывность криминализации с уголовной политикой и объяснил данный процесс через связь с понятием уголовно-правового запрета.

В теории уголовного права выработано множество самых разнообразных подходов к основаниям криминализации, и такое многообразие научных взглядов привело к очевидной проблеме полифонии терминов. Еще одной проблемой, вытекающей из разнообразия авторских концепций, представляется неясность относительно определенного количества оснований для признания деяния преступлением. Теоретиками применяются термины «критерии криминализации», «детерминанты криминализации», «истоки уголовно-правовых запретов» и иные, предлагаются многоуровневые и разнопорядковые модели. В сущности, каждая предлагаемая система оснований криминализации является авторской теоретической концепцией, отличающейся от остальных скорее номинально и по форме, чем содержательно.

Например, в недавней работе И. Я. Козаченко и Д. Н. Сергеева указывается, что под основанием криминализации в российской уголовно-правовой доктрине преимущественно понимается общественная опасность деяния в той или иной степени¹⁰.

Э. Л. Сидоренко прямо констатирует, что условность термина «криминализация деяния» порождает споры относительно ее пределов и оснований. В предлагаемой Э. Л. Сидоренко системе оснований две главные группы критериев криминализации деяний: 1) внешние системные требования, включающие юридико-криминологические условия, социально-экономическое требование и социально-психологическое требование; 2) внутрисистемные условия криминализации, в числе которых соответствие криминообразующих обстоятельств нормам других отраслей права, внутриотраслевая согласованность признаков и формулирование обстоятельств в соответствии с правилами юридической техники. При этом Э. Л. Сидоренко полагает характер общественной опасности основным критерием криминализации¹¹.

А. Д. Нечаев предлагает рассматривать причинность криминализации (декриминализации) через систему так называемых детерминант, включающую поводы, основания и факторы (причины и условия) криминализации. Собственно, основание криминализации трактуется автором как наличие совокупности достаточного уровня общественной опасности деяния, в отношении которого предлагается установить уголовно-правовой запрет, и адекватности уголовно-правового запрета существующей системе общественных отношений¹².

Еще одна теоретическая система была разработана и предложена С. А. Маркунцовым в рамках теории уголовно-правового запрета. Ученый вводит понятие «истоки уголовно-правового запрета»; при этом отмечается, что к таким истокам (основаниям) разные ученые относят различное количество факторов (обстоятельств). С. А. Маркунцовым предложена двухзвенная система истоков уголовно-правового запрета: 1) истоки, обусловленные общественными потребностями или иными сугубо социальными факторами; 2) истоки, обусловленные или опосредованные государственно-властными отношениями¹³.

Д. А. Дорогин и И. А. Соколов в своем исследовании, посвященном вопросам противодействия незаконному захвату юридических лиц (в том числе и захвату предприятий через фальсификацию публичных реестров), предлагают свою систему оснований криминализации рейдерских составов преступлений. Авторами предложено выделять три группы оснований криминализации рейдерства: юридико-криминологические, социально-экономические и социально-психологические (уровень общественного правосознания и психологии; исторические традиции)¹⁴.

Т. В. Семенов, рассматривая проблематику социальной обусловленности уголовно-правовых запретов, выраженных в ст. 170.1 и ст. 285.3 УК РФ, приходит к выводу, что при установлении уголовно-правовых запретов одна из проблем заключается в определении количества факторов, оказывающих реальное влияние на этот процесс. Сам исследователь предложил семь факторов, поставив на первые места степень общественной опасности деяния и его распространенность¹⁵.

Н. Г. Иванов критически оценивает любые попытки выстроить систему оснований криминализации. Ученый указывает, что поводы и принципы криминализации разрабатывались исследователями достаточно активно, несмотря на то что в вопросе разграничения преступного и непроступного они «потерпели фиаско». По мнению Н. Г. Иванова, выделяемые в литературе основания криминализации чаще всего выступают в качестве оригинальных интерпретаций признака общественной опасности поведенческого акта; они недостаточно корректны, а следовательно, не

¹⁰ Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург: SAPIENTIA, 2020. С. 82.

¹¹ Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: монография / В. П. Кашепов и др.; отв. ред. В. П. Кашепов. М.: ИЗИСП при Правительстве РФ, Юридическая фирма «Контракт», 2018. С. 124–125.

¹² Нечаев А. Д. Указ. соч. С. 64.

¹³ Маркунцов С. А. Теория уголовно-правового запрета: монография. М.: Юриспруденция, 2015. С. 174.

¹⁴ Соколов И. А., Дорогин Д. А. Уголовно-правовой механизм противодействия незаконному захвату юридических лиц (рейдерству): монография. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 80–90.

¹⁵ Семенов Т. В. Социальная обусловленность уголовно-правовых запретов на фальсификацию Единого государственного реестра юридических лиц. Российский следователь, 2016. № 12. С. 35.

могут служить в качестве повода либо вписываются в такой универсальный повод, как общественная опасность, в связи с чем их выделение оказывается бессмысленным¹⁶.

Н. А. Лопашенко приходит к выводу обобщающего характера: криминализация отклоняющегося экономического поведения показана лишь в тех ситуациях, когда поведение является общественно опасным настолько, что необходимо установление уголовной ответственности за него, а воздействовать иными мерами невозможно. По мнению Н. А. Лопашенко, основание криминализации в сфере экономической деятельности — это существование в ней такого поведения, которое причиняет или способно причинить существенный вред интересам, охраняемым уголовным законом в сфере экономической деятельности¹⁷.

Кратко, но убедительно систему оснований криминализации рассматриваемых преступлений объясняет Е. В. Валласк. По мнению исследователя, криминализация обусловлена рядом факторов, в их числе общественная опасность деяний, выражающаяся в виде особо крупного размера причиняемого вреда и распространенности деяния¹⁸.

И. В. Шишко в качестве дополнительного и самостоятельного основания криминализации деяний, специфического для сферы экономики, предлагает рассматривать рассогласование (несоответствие) уголовно-правовых и регулятивных норм¹⁹. С подобным выводом И. В. Шишко трудно не согласиться, поскольку известно, что свойство бланкетности экономических составов преступлений в настоящее время в теории общепризнано и считается одной из отличительных характеристик гл. 22 УК РФ²⁰.

В зарубежной доктрине тоже предлагаются различные объяснения причинности установления уголовно-правовых запретов. Английские теоретики однозначно не разделяют основания и принципы криминализации как самостоятельные теоретические категории, называя их единым термином *principles*. Дж. Кейлер и Д. Руф указывают, что для криминализации в государствах общего права вроде Англии и Уэльса применяется подход, основанный на системе принципов криминализации. Наибольшую важность играет принцип автономии субъекта (*principal of individual autonomy*) и принцип вреда (*harm principle*)²¹. Последний по своему наполнению, включающему причинение вреда (*harmfulness*), противоправность (*wrongfulness*) и антиобщественную направленность (*public wrongs*)²², весьма близок к толкованию общественной опасности деяния в российской доктрине. По мнению Дж. Херринга, среди предлагаемых теоретиками оснований-принципов криминализации наиболее важны три: принцип автономности, принцип вреда, принцип практической применимости уголовно-правового запрета²³.

Стоит отметить, что в начале 1980-х гг., когда отечественная теория криминализации (декриминализации) только зарождалась, советскими учеными выдвигались аналогичные идеи о принципах криминализации наравне с идеями об основаниях и о поводах криминализации как об автономных категориях. Трактуют принципы криминализации как «наиболее абстрактный и общий уровень научного обеспечения и обоснования уголовного нормотворчества», советские ученые выделяли следующие их виды: социальные и социально-психологические (принцип общественной опасности, принцип относительной распространенности и т. д.), системно-правовые (принцип конституционной адекватности, принцип системно-правовой непротиворечивости и т. д.)²⁴. Кроме идеально-теоретических принципов учеными описывались также материально-фактические основания и поводы криминализации.

Учитывая неоднородность общественных отношений, крайне сложную организацию экономической деятельности и теоретическую неопределенность (которой, полагаем, не может быть в этом вопросе в настоящее время), следует остановиться на том, что общественная опасность представляется фундаментальным основанием для установления уголовно-правовых запретов, включая и запреты в сфере государственной регистрации корпоративных и имущественных прав.

При этом на уровне здравого смысла предполагается, что в законотворческой практике на стадии инициирования и формулирования нового уголовно-правового запрета субъект законодательной инициативы обязан объяснить обществу необходимость и важность соответствующих новелл. В рамках российской законотворческой практики основания криминализации должны раскрываться в пояснительных записках к законопроектам и излагаться в виде некоторой апологии предлагаемых нововведений. Не будет преувеличением утверждать, что в настоящее время пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в УК РФ» фактически является един-

¹⁶ *Иванов Н. Г.* Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации : монография. М.: Проспект, 2017. С. 68–69.

¹⁷ *Лопашенко Н. А.* Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ : монография. В 2 ч. Ч. I. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 239.

¹⁸ *Валласк Е. В.* Противодействие корпоративным захватам предприятий уголовно-правовыми средствами: анализ новелл законодательства. Юрист, 2012. № 6. С. 9.

¹⁹ *Шишко И. В.* Экономические правонарушения: вопросы юридической оценки и ответственности. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. С. 197–198.

²⁰ *Лопашенко Н. А.* Указ. соч. С. 93.

²¹ *Comparative Concepts of Criminal Law.* Ed. by J. Keiler, D. Roef. 3rd ed. Cambridge: Intersentia Ltd., 2019. P. 36.

²² *Op. cit.* P. 48–60.

²³ *Herring J.* *Criminal Law: Text, Cases, and Materials.* Oxford University Press, 2004. P. 19–32.

²⁴ Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация / В. Н. Кудрявцев, П. С. Дагель, Г. А. Злобин и др.; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М.: Наука, 1982. С. 209–210.

ственным официальным аутентичным документом, в котором может быть раскрыта мотивация субъекта уголовно-законотворческой инициативы. К сожалению, ознакомление с такими пояснительными записками не позволяет найти ответ на вопрос об основаниях криминализации, так как эти документы являются чрезвычайно короткими и формальными, не говоря уже об отсутствии в них какого-либо теоретического объяснения. Рассмотрим их подробнее.

Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 632682-6 (внесен в ГД РФ 26.02.2014), в результате принятия которого в УК РФ была введена новая ст. 170.2, а ст. 170 УК РФ была дополнена запретом на искажение сведений кадастра недвижимости, не содержала подробного описания оснований криминализации. Утверждая недостаточность административной ответственности за такие правонарушения, инициатор новелл просто подчеркивал «отсутствие должного регулирования в данной области, несоответствие наказания размеру ущерба, нанесенного субъекту имущественных прав». Также в пояснительной записке отмечалось, что специальный закон о кадастровой деятельности «наделил кадастрового инженера значительными полномочиями, которые, в свою очередь, должны сопровождаться высокой степенью ответственности». Общественная опасность или вообще что-либо, относящееся к основаниям криминализации, упомянуто в тексте пояснительной записки всего один раз. Инициатор крайне лаконично и очевидно мотивировал общностную опасность: «Общественно опасные последствия выражаются в причинении вреда общественным отношениям»²⁵.

Ранее, иницируя два других уголовно-правовых запрета (выражены в ст. 173.1 и ст. 173.2 УК РФ), направленных на охрану целостности сведений ЕГРЮЛ, субъект законодательной инициативы также не раскрыл основания криминализации в пояснительной записке. Указанная пояснительная записка к проекту Федерального закона № 497961-5 (внесен в ГД РФ 07.02.2011) фактически содержит только краткое описание объектов новых составов преступлений; отмечается соотношение новых норм с иными, уже действовавшими на тот момент составами преступлений²⁶.

Аналогичная ситуация «официального молчания» наблюдается и при исследовании законодательных интенций, сложившихся вокруг большого пакета так называемых антирейдерских поправок в УК РФ от 2010 г., которыми окончательно была оформлена система уголовно-правовой охраны института государственной регистрации. В пояснительной записке к проекту Федерального закона № 353716-5 (внесен в ГД РФ 06.04.2010 г.) инициатор поправок просто и без аргументов констатировал общественную опасность преступных фальсификаций государственного реестра. Указывалось, что, несмотря на общественную опасность, уголовно-правовыми запретами не охватывается ряд деяний, посредством которых создаются правовые предпосылки для рейдерского захвата. Подробная система оснований криминализации, сколько-нибудь схожей с рассмотренными ранее теоретическими системами, в записке не содержалась²⁷.

Полагаем, что, конечно же, общественная опасность противоправного воздействия на государственный реестр — это и есть фундаментальное основание, обусловившее формализацию исследуемых преступлений. Общественная опасность может быть проанализирована на основе толкования норм отраслевого (регуляторного) законодательства, если принять во внимание почти стопроцентную бланкетность исследуемых диспозиций норм УК РФ. Найти ответы на вопросы об основаниях криминализации в одном только уголовном законе невозможно. А. В. Сельский отмечает, что появление бланкетных норм и отказ от казуистичного способа формулирования обусловлены развитием экономических отношений, дифференциацией структуры общества, изменением формы государственного устройства и усложнением системы законодательства, влиянием промышленного переворота и прогрессом правовой мысли²⁸. Поэтому толковать «экономические» уголовно-правовые запреты в их связи с нормами гражданского, административного и иных отраслей права для исследователя попросту неизбежно.

Обращение к специальным законам позволяет заключить, что фальсификации сведений, которые содержатся в ЕГРН и ЕГРЮЛ, приводят не только к искажению информации, доступной неограниченному кругу лиц, и не только вводят в заблуждение участников рынка относительно экономических сведений, но и посягают на корпоративные права и право собственности как таковое. Например, из названия преступления, предусмотренного ст. 170.1, может показаться, что фальсификация совершается только для искажения сведений, включенных в ЕГРЮЛ. Вместе с этим также признаком состава данного преступления является цель, состоящая в приобретении права на чужое имущество. В уголовно-правовой доктрине отмечается, что лицо, совершив действия, описанные в диспозиции ст. 170.1 УК РФ, приобретает право владения, пользования и распоряжения имуществом комплексом, в том числе денежными средствами. В то же время юридический факт в виде перехода права собственности в уставном капитале

²⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : паспорт проекта федер. закона № 632682-6 [Электронный ресурс]. Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/632682-6> (дата обращения: 01.04.2021).

²⁶ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : паспорт проекта федер. закона № 497961-5 [Электронный ресурс]. Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/497961-5> (дата обращения: 01.04.2021).

²⁷ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : паспорт проекта федер. закона № 353716-5 [Электронный ресурс]. Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/353716-5> (дата обращения: 01.04.2021).

²⁸ Сельский А. В. Бланкетные нормы в уголовном законодательстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 18.

данной статьей не охватывается²⁹. Преступная фальсификация реестра — это «приготовление» к хищению чужого имущества. Исходя из этого можно выделить две основные формы рейдерства: первая — незаконный захват управления юридическим лицом, и вторая — отчуждение принадлежащего ему имущества, совершаемое в результате такого захвата³⁰.

Переход по бланкетным ссылкам диспозиций УК РФ подтверждает следующий тезис: в гражданском законодательстве предусмотрено, что в определенных законом случаях права на имущество и права на участие в корпорации обусловлены записью в государственном реестре. Права на имущество, подлежащие государственной регистрации, возникают, изменяются и прекращаются с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр. Указанная норма закреплена в ст. 8.1 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ³¹ (далее — ГК РФ).

В соответствии с п. 1 ст. 131 ГК РФ право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение подлежат государственной регистрации в ЕГРН органами, осуществляющими государственную регистрацию прав на недвижимость и сделок с ней. Регистрация сделок с недвижимым имуществом обладает правопорождающим эффектом, и внесение записи в ЕГРН влечет признание права собственности на объект недвижимого имущества. Это также прямо следует из ч. 5 ст. 1 специального Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»³² (далее — Закон о регистрации недвижимости). В указанной норме говорится, что государственная регистрация права в ЕГРН является единственным доказательством существования зарегистрированного права.

Соответственно, лицо, нарушающее запрет, установленный в ст. 170 УК РФ, покушается не только на информацию (сведения) публичного реестра, но и на имущественные права, создавая таким образом основу для последующих противоправных действий или для извлечения выгод (например, выгоды от неуплаты налога на имущество — если, к примеру, искажаются данные ЕГРН о кадастровой стоимости).

Аналогично обстоит дело и с регистрацией корпоративных прав. Пункт 8 ст. 51 ГК РФ гласит, что юридическое лицо считается созданным, а данные о юридическом лице считаются включенными в ЕГРЮЛ со дня внесения соответствующей записи в этот реестр. Подобная норма содержится и в специальном Федеральном законе от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»³³ (далее — Закон о регистрации юридических лиц и предпринимателей). Моментом государственной регистрации признается внесение регистрирующим органом соответствующей записи в соответствующий государственный реестр — это следует из ч. 2 ст. 11 Закона о регистрации юридических лиц и предпринимателей. Государственной регистрации подлежит не только создание юридического лица, но и отдельные факты хозяйственной деятельности (смена состава учредителей, смена единоличного исполнительного органа и т. д.).

Таким образом, фальсификация сведений ЕГРЮЛ автоматически приведет к утрате законным правообладателем контроля над компанией и к переходу прав на управление к злоумышленникам. Причем форм искажения ЕГРЮЛ может быть достаточно много: фальсификация записей об учредителях юридического лица, записей о размере доли, записей о юридическом адресе, внесение сведений о подставных учредителях и т. п. Кроме того, искажение регистрационных сведений, подлежащих включению в публичные реестры, само по себе подрывает доверие неопределенного круга лиц к признаваемому государством режиму имущественных и корпоративных прав. Полагаясь на открытые данные публичного реестра, любой человек или любая компания исходит из презумпции достоверности таких данных. Более того, гражданское законодательство всецело такую презумпцию признает и защищает, как указано в ст. 8.1 и ст. 53 ГК РФ. В специализированных теоретических работах указывается, что публичная достоверность данных ЕГРЮЛ — принцип, в соответствии с которым любое лицо, добросовестно полагающееся на данные ЕГРЮЛ, вправе исходить из того, что они соответствуют действительным обстоятельствам³⁴.

Заслуживают внимания и исторические предпосылки установления уголовно-правовых запретов. Система государственной регистрации прав, основанная на признании правопорождающего эффекта записи в публичном реестре, начала формироваться в России относительно недавно — в 1990-х гг. В этом смысле текст УК РФ наглядно отражает эволюционное развитие отраслевого законодательства, являясь ответом на вызовы развития правовой системы и роста капиталистической экономики государства.

Почти все исследуемые составы преступлений, кроме предусмотренного ст. 170 УК РФ, не существовали в течение всего времени действия УК РФ. Упомянутая ст. 170 присутствует в тексте УК РФ с момента его принятия, однако в первоначальной редакции 1996 г. она значительно отличалась от своего нынешнего вида и не содержа-

²⁹ Ларичев В. Д., Исаев О. Ю. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые на ранних стадиях криминального установления контроля над управлением и активами предприятия (рейдерство) : монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 147.

³⁰ Соколов И. А., Дорогин Д. А. Указ. соч. С. 35.

³¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : от 30.11.1994 № 51-ФЗ. СЗ РФ, 1994. № 32. Ст. 3301.

³² О государственной регистрации недвижимости : федер. закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 30.12.2020). СЗ РФ, 2015. № 29 (часть I). Ст. 4344.

³³ О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : федер. закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 31.07.2020). СЗ РФ, 2001. № 33 (часть I). Ст. 3431.

³⁴ Корпоративное право : учебный курс. В 2 т. / Отв. ред. И. С. Шиткина. Т. 1. М.: Статут, 2017. С. 523.

ла упоминание ЕГРН. Это вполне логично, учитывая, что в России потребность в полноценной публичной системе государственной регистрации прав на недвижимое имущество появилась только в 1990-х гг. с развитием частной собственности, как справедливо отмечает Е. В. Бадулина³⁵. Первый этап формирования системы государственной регистрации прав на недвижимость завершается в 1998 г. вступлением в силу кодифицированного акта — Федерального закона от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»³⁶. Указанный закон просуществовал почти 20 лет и был заменен действующим ныне Законом о регистрации недвижимости.

Отечественная система государственной регистрации корпоративных прав тоже начала формироваться в эпоху бурных рыночных реформ, и ее формирование завершилось в 2001 г. принятием Закона о государственной регистрации юридических лиц и предпринимателей и получила детальное регулирование с принятием в 2002 г. Постановления Правительства РФ от 19.06.2002 № 438 «О Едином государственном реестре юридических лиц»³⁷. Результатом этих новаций стало появление в отечественной правовой системе государственных реестров, обладающих не только информационно-учетным, но и юридическим (правопорождающим и правоподтверждающим) значением. Дальнейшие поправки в ГК РФ окончательно сформировали систему регистрации гражданских прав.

Разумеется, что ни институт частной собственности, ни система регистрации прав не были неуязвимы, ввиду чего потребовалась их защита сначала административно-правовыми мерами, а впоследствии и через уголовно-правовые запреты (крайняя мера государственной реакции). Уголовно-правовые запреты в значительной мере были вызваны и недостаточностью административно-правового воздействия, которое отличается менее строгой реакцией и не влечет наложение суровых санкций. Здесь уместно заметить, что в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ³⁸ (далее — КоАП РФ) с 2004 г. установлен запрет в ст. 14.25 «Нарушение законодательства о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». За непредставление или представление недостоверных сведений о юридическом лице или об индивидуальном предпринимателе лицо подлежит ответственности (максимально тяжелое административное наказание — денежный штраф до 10 тыс. рублей). Другая статья КоАП РФ — ст. 14.35 — устанавливает административную ответственность за нарушения в сфере государственной регистрации прав на недвижимость.

Резюмируя сказанное, возможно утверждать, что введение в России уголовной ответственности за противоправные действия в отношении государственных реестров явилось ответом на исторически объективное усложнение экономических отношений, начавшееся в 1990-х гг. Такое усложнение выражалось в возрождении института частной собственности, в возникновении корпоративного права, в появлении системы государственной регистрации прав на недвижимость и корпоративных прав вместе с государственными реестрами. Одни только административно-правовые запреты не могли обеспечить надлежащий уровень защиты института государственной регистрации прав, поскольку фальсификации государственных реестров традиционно обусловлены преступными целями, направленными на захват корпоративного управления и/или незаконное присвоение имущества, и ввиду этого обладают свойством общественной опасности. Таким образом, нормы уголовного закона, содержащие рассмотренные уголовно-правовые запреты, действуют в совокупности с регуляторными и охранительными нормами гражданского и административного законодательства.

Разумеется, уголовно-правовые запреты должны не просто увеличивать текст уголовного закона и создавать видимость урегулированности общественных отношений, но они также призваны обеспечивать эффективный механизм общей превенции преступного поведения. В этом аспекте рассмотренные нормы УК РФ в целом свою функцию выполняют, хотя вместе с тем требуют определенной корректировки. В этой связи целесообразно проведение дальнейших исследований рассмотренных запретов в целях их оптимизации и гармонизации как с отраслевым законодательством, так и с иными уголовно-правовыми запретами.

Литература

1. *Бадулина Е. В.* Развитие правового регулирования государственной регистрации недвижимости в России. Нотариус, 2017. № 6. С. 22–30.
2. *Баландина Н. В.* Криминализация общественных отношений: теоретико-правовое исследование : монография. М.: Перо, 2011. 82 с.
3. *Валласк Е. В.* Противодействие корпоративным захватам предприятий уголовно-правовыми средствами: анализ новелл законодательства. Юрист, 2012. № 6. С. 9–16.

³⁵ *Бадулина Е. В.* Развитие правового регулирования государственной регистрации недвижимости в России. Нотариус, 2017. № 6. С. 24.

³⁶ О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним : федер. закон от 21.07.1997 № 122-ФЗ (ред. от 03.07.2016). СЗ РФ, 1997. № 30. Ст. 3594.

³⁷ О Едином государственном реестре юридических лиц : пост. Правительства РФ от 19.06.2002 № 438. СЗ РФ, 2002. № 26. Ст. 2585.

³⁸ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : от 30.12.2001 № 195-ФЗ. СЗ РФ, 2002. № 1 (часть 1). Ст. 1.

4. *Иванов Н. Г.* Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации : монография. М.: Проспект, 2017. 80 с.
5. *Клейменов И. М.* Сравнительная криминология: криминализация, преступность, развитие уголовной политики в условиях глобализации : монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 304 с.
6. *Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н.* Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург: SAPIENTIA, 2020. 256 с.
7. *Коробеев А. И.* Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса : монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 352 с.
8. Корпоративное право : учебный курс. В 2 т. / Отв. ред. И. С. Шиткина. Т. 1. М.: Статут, 2017. 976 с.
9. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства : монография / В. П. Кашепов и др.; отв. ред. В. П. Кашепов. М.: ИЗиСП при Правительстве РФ, Юридическая фирма «Контракт», 2018. 280 с.
10. *Ларичев В. Д., Исаев О. Ю.* Уголовная ответственность за преступления, совершаемые на ранних стадиях криминального установления контроля над управлением и активами предприятия (рейдерство) : монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 224 с.
11. *Лопашенко Н. А.* Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: монография. В 2 ч. Ч. I. М.: Юрлитинформ, 2015. 336 с.
12. *Маркунцов С. А.* Теория уголовно-правового запрета : монография. М.: Юриспруденция, 2015. 560 с.
13. *Нечаев А. Д.* Концептуальные основы криминализации и декриминализации деяний : монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2018. 320 с.
14. Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация / В. Н. Кудрявцев, П. С. Дагель, Г. А. Злобин и др.; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М.: Наука, 1982. 303 с.
15. *Сельский А. В.* Бланкетные нормы в уголовном законодательстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 32 с.
16. *Семенов Т. В.* Социальная обусловленность уголовно-правовых запретов на фальсификацию Единого государственного реестра юридических лиц. Российский следователь, 2016. № 12. С. 34–38.
17. *Соколов И. А., Дорогин Д. А.* Уголовно-правовой механизм противодействия незаконному захвату юридических лиц (рейдерству) : монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 160 с.
18. *Шишко И. В.* Экономические правонарушения: вопросы юридической оценки и ответственности. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. 307 с.
19. Comparative Concepts of Criminal Law. Ed. by J. Keiler, D. Roef. 3rd ed. Cambridge: Intersentia Ltd., 2019. 376 p.
20. *Herring J.* Criminal Law: Text, Cases, and Materials. Oxford University Press, 2004. 937 p.

References

1. Badulina, E. V. The Development of Regulation of Real Estate Registration [Razvitie pravovogo regulirovaniya gosudarstvennoi registratsii nedvizhimosti v Rossii]. Notary [Notarius]. 2017. No. 6. Pp. 22–30. (In Rus.)
2. Balandina, N. V. The Criminalization of Society: Theoretical and Legal Research: Monography [Kriminalizatsiya obshchestvennykh otnoshenii: teoretiko-pravovoe issledovanie: Monografiya]. M.: Pen Publishing House, 2011. 82 p. (In Rus.)
3. Vallask, E. V. Fighting Corporate Takeovers of Companies by Criminal and Legal Prohibitions: The Analyze of New Regulations [Protivodeistvie korporativnym zakhvatam predpriyatii ugovolno-pravovymi sredstvami: analiz novell zakonodatel'stva]. Jurist [Yurist]. 2012. No. 6. Pp. 9–16. (In Rus.)
4. Ivanov, N. G. Public Harmlessness of an Action as an Ontological Basis of Criminalization: Monography [Obshchestvennaya opasnost' deyaniya kak ontologicheskaya osno-va kriminalizatsii: monografiya]. M.: Prospectus Publishing House, 2017. 80 p. (In Rus.)
5. Kleymenov, I. M. Comparative Criminology: Criminalization, Crime and Development of Criminal Law Policy in the Context of Globalization: Monography [Sravnitel'naya kriminologiya: kriminalizatsiya, prestupnost', razvitie ugovolnoi politiki v usloviyakh globalizatsii: monografiya]. M.: Yurilitinform Publishing House, 2014. 304 p. (In Rus.)
6. Kozachenko, I. Ya., Sergeev, D. N. New Criminalization: Philosophically-Legal Guide in the World of Criminal and Non-Criminal [Novaya kriminalizatsiya: filosofsko-yuridicheskii putevoditel' po miru prestupnogo i neprestupnogo]. Ekaterinburg: SAPIENTIA Publishing House, 2020. 256 p. (In Rus.)
7. Korobeev, A. I. Criminal and Legal Policy of Russia: From Genesis to Crisis. [Ugolovno-pravovaya politika Rossii: ot genezisa do krizisa: monografiya]. M.: Yurilitinform Publishing House, 2019. 352 p. (In Rus.)
8. Corporate Law: Academic Course in 2 Volumes [Korporativnoe pravo: Uchebnyi kurs. V 2 t.]. Editor-in-chief Shitkina I. S. Vol. 1. M.: Statute Publishing House, 2017. 976 p. (In Rus.)
9. Criminalization and Decriminalization as Ways to Transform Criminal Law [Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya kak formy preobrazovaniya ugovolnogo zakonodatel'stva: monografiya]. Kashepov V. P. and others; editor-in-chief Kashepov V. P. M.: ILCL under the Russian Federation Government, Law Firm Contract LLC, 2018. 280 p. (In Rus.)

10. Larichev, V. D., Isaev, O. Yu. Criminal Liability for Crimes Committed in the Early Stages of Hostile Corporate Takeover (Raiding): Monography [Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya, sovershaemye na rannikh stadiyakh kriminal'nogo ustanovleniya kontrolya nad upravleniem i aktivami predpriyatiya (reiderstvo): monografiya]. M.: Yurlitinform Publishing House, 2013. 224 p. (In Rus.)
11. Lopashenko, N. A. Crimes in the Sphere of Economic Activity: Theoretical and Practical Analyze: Monography [Prestupleniya v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti: teoreticheskii i prikladnoi analiz: monografiya]. In 2 parts. Part 1. M.: Yurlitinform Publishing House, 2015. 336 p. (In Rus.)
12. Markuntsov, S. A. The Theory of Criminal-Legal Prohibition: Monography [Teoriya ugovolno-pravovogo zapreta: Monografiya]. M.: Jurisprudence Publishing House, 2015. 560 p. (In Rus.)
13. Nechaev, A. D. Conceptual Framework of Criminalization and Decriminalization of Actions: Monography [Kontseptual'nye osnovy kriminalizatsii i dekriminalizatsii deyanii: monografiya]. Editor-in-chief Doctor of Legal Sciences, Prof. Lopashenko N. A. M.: Yurlitinform Publishing House, 2018. 320 p. (In Rus.)
14. Basis for Criminal and Legal Prohibition: Criminalization and Decriminalization [Osnovaniya ugovolno-pravovogo zapreta: kriminalizatsiya i dekrimi-nalizatsiya]. Kudryavtsev V. N., Dagal P. S., Zlobin G. A. and others.; editors-in-chief Kudryavtsev V. N., Yakovlev A. M. M.: Science Publishing House, 1982. 303 p. (In Rus.)
15. Selskiy, A. V. Blanket Norms in Criminal Legislation of Russia: Thesis of the PhD Dissertation in Law [Blanketnye normy v ugovolnom zakonodatel'stve Rossii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk]. M, 2010. 32 p. (In Rus.)
16. Semenov, T. V. Social Conditionality of Criminal-Legal Prohibition of Falsification of the Unified State Registry of Legal Entities [Sotsial'naya obuslovlennost' ugovolno-pravovykh zapretov na fal'sifikatsiyu Edinogo gosudarstvennogo reestra yuridicheskikh lits]. Russian Investigator [Rossiiskii sledovatel']. 2016. No. 12. Pp. 34–38. (In Rus.)
17. Sokolov, I. A., Dorogin, D. A. Criminal Law Mechanism of Fighting Illegal Corporate Takeovers (Raiding): Monography [Ugolovno-pravovoi mekhanizm protivodeistviya nezakonnomu zakhvatu yuridicheskikh lits (reiderstvu): monografiya]. M.: Yurlitinform Publishing House, 2017. 160 p. (In Rus.)
18. Shishko, I. V. Offences in the Sphere of Economy: Legal Assessment and Liability Issues [Ekonomicheskie pravonarusheniya: Voprosy yuridicheskoi otsenki i otvetstvennosti]. SPb.: Legal Center Press Publishing House, 2004. 307 p. (In Rus.)
19. Comparative Concepts of Criminal Law. Ed. by Keiler J., Roef D. 3rd ed. Cambridge: Intersentia Ltd., 2019. 376 p.
20. Herring, J. Criminal Law: Text, Cases, and Materials. Oxford University Press, 2004. 937 p.